

Россия - Европа в полицентричном мире: императив новых подходов к конструктивному диалогу

Russia - Europe in a polycentric world: the imperative of new approaches to constructive dialogue

DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-3-86-109

УДК 327

Получено: 02.07.2024

Одобрено: 29.07.2024

Опубликовано: 25.09.2024

Мизин В.И.

Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

e-mail: vmizin@hotmail.com

Mizin V.I.

Candidate of History Sciences, Leading Researcher, Center for International Security, IMEMO RAS E.M. Primakova.

e-mail: vmizin@hotmail.com

Аннотация

Цель статьи – на основе исторически неотъемлемой принадлежности России к Большой Европе в политическом, экономическом, социокультурном и социально-психологическом измерениях попытаться наметить пути дальнейшего укрепления роли и вклада страны в процесс построения обновленной архитектуры европейской безопасности и многостороннего сотрудничества на континенте. На протяжении веков Россия, безусловно, являлась ведущей европейской державой, во многом определявшей ход истории и развитие процессов в регионе, заложившей основы до сих пор существующей системы взаимоотношений между европейскими государствами. При этом проблематика русской идентичности / самобытности не перестает быть в центре острых дебатов в политико-академической среде и интеллектуального развития страны. В этой связи в статье анализируются возможные подходы к укреплению роли России в регионе и возможные варианты конструктивного вклада в евробезопасность на перспективу. На основе традиционных научных *методов* (анализ и синтез, компаративистика) делается попытка представить сценарии и возможные развязки для укрепления позиций России в европейском регионе как ведущей державы в развитии стратегии национального «европеизма». В этом состоит и новый *теоретический вклад* в развитие и осмысление российской концепции и проработку будущей стратегии «европеизма». Предлагается также ряд конкретных инициатив на этот счет, которые могли бы, в принципе, использовать российские внешнеполитические органы и иные властные инстанции. *Практическая значимость* исследования видится в предоставлении целого набора конкретных предложений для выстраивания будущего российской внешней политики и определении ориентиров для организации работы российской дипломатии на данном направлении. Автор приходит к *выводу* об императивности для России в нынешней крайне усложнившейся международной обстановке активной, позитивно-наступательной дипломатической линии с целеустремленным навязыванием партнерам нашей повестки дня переговоров - в целях конструктивного преодоления нынешнего глубочайшего кризиса во взаимоотношениях с «коллективным Западом», включая его европейский

сегмент. Естественно, при четком соблюдении жизненных интересов национальной безопасности во всех ее аспектах.

Ключевые слова: Россия, Европа, контроль над вооружениями, международная безопасность, НАТО, ОБСЕ, транспарентность.

Abstract

The objective of this article is to try to outline ways to further strengthen the country's role and contribution to the process of building a renewed architecture of European security and multilateral cooperation on the continent on the basis of Russia's historically integral membership in Greater Europe in political, economic, socio-cultural and socio-psychological dimensions. For centuries, Russia has undoubtedly been the leading European power, largely determining the course of history and the development of processes in the region, laying the foundations for the still existing system of relations between European states. At the same time, the problem of Russian identity/uniqueness remains at the center of acute debates in the political and academic environment and the intellectual development of the country. In this regard, the article analyzes possible approaches to strengthening Russia's role in the region and possible options for a constructive contribution to European security in the future. Based on traditional political science methods (*analysis and synthesis, comparative studies*), an attempt is made to present scenarios and possible solutions to strengthen Russia's position in the European region as a leading power in the development of the strategy of national "Europeanism". This is also a new theoretical contribution to the development and understanding of the Russian concept and the elaboration of the future strategy of "Europeanism". A number of specific initiatives in this regard are also proposed, which could, in principle, be used by Russian foreign policy establishment and other institutions. The practical significance of the study is seen precisely in this provision of a whole set of specific proposals for building the future of Russian foreign policy and setting guidelines for organizing the activities of our diplomacy. The author comes to the conclusion that it is imperative for Russia in the current extremely convoluted international situation to take an active, positive and offensive diplomatic line with a determined imposition of our negotiating agenda on partners in order to constructively overcome the current profound crisis in relations with the "collective West", including its European segment. Naturally, in strict observance of the vital interests of national security in all its aspects.

Keywords: Russia, Europe, arms control, international security, NATO, OSCE, transparency.

Введение

Тезис о том, что мир в последние годы переживает буквально исторического масштаба катаклизм кризисного фазового перехода к какому-то новому качеству стал уже практически общеприемлемым в мировой и российской политологии [48]. В отечественном общественно-политическом дискурсе участвовали диатрибы о том, что России пора выходить из диалога с отринувшей Москву Европой, к которой она якобы никогда и не принадлежала, поскольку после распада СССР ей не позволили стать частью «общеевропейского дома», проигнорировав её жизненные интересы. Таким образом, все ожидания российских элит быть принятыми в европейское и западное «сообщество демократий» на равноправной основе оказались иллюзорными, и поэтому необходим разрыв с былыми западными партнерами и уход в Евразию ввиду окончания «европейского путешествия». Распространяются и умозаключения о том, что мирное сосуществование с так называемым «коллективным Западом», используя этот укоренившийся в российской политической среде термин, себя вообще изжило как стратегия или даже философская концепция [20]. В развитие этих постулатов в экспертных публикациях появляются и прямо провокационные призывы готовиться к обмену ядерными ударами с НАТО.

Представляется, однако, что такая линия аргументации не совсем адекватна, поскольку ее реализация означала бы поражение, признание слабости собственных

геополитических позиций и ошибочности логики собственной аргументации, замыкание в какой-то непонятной автаркии и всё же изоляции - даже если это подкрепляется одновременно призывами к «повороту на Восток» или «уходу в Азию/Евразию», в любом случае отказу от «западноцентризма». Получается в этом подходе, что великую европейскую державу на радость русофобам из исторически обжитого ареала выдавили - за какой-то новый и самовозведенный «железный занавес». С другой стороны, такая эмоционально обидчивая реакция объяснима как фрустрация относительно неприятия и критики Западом нынешней российской политики, прежде всего по украинской теме, в отсутствие каких-то лекал выстраивания новых взаимоотношений. А «цивилизационную раздвоенность» русского самосознания, постоянно метущегося между Западом и «самостийностью», было бы странно отрицать.

Автор исходит из убеждения, что Россия была, остается сегодня и будет всегда великой державой - не «внешней периферией», но органичной частью Европы, разделяющей и охраняющей ее цивилизационные ценности, призванной контролировать все происходящие здесь процессы и формировать в многоплановом влиянии будущее мега-региона. Разумеется, существуя там со своими особенностями, вызванными климатом, географией, природными условиями и историей развития. Гипотезой данной статьи может стать тезис до сих пор авторитетнейшего у нас настоящего русского интеллигента академика Д.С. Лихачева о том, что *«Россия - несомненная Европа по религии и культуре. При этом в культуре ее не найти резких различий между западным Петербургом и восточным Владивостоком»* [24, с. 8]. Россия, никогда не бывшая «Востоком», это, по его определению, «Скандославия» – мост между варягами и Византией, но не какая-то «Евразия», и при этом отличающаяся от западных стран не больше, чем они различны друг с другом. Действительно, бытовой уклад даже в азиатской части России, преобладающая культура и традиции европейские, - а не китайские или японские. Нельзя не согласиться и с мнением руководителя Института Европы членом-корреспондентом РАН Ал. Громыко о том, что: *«Выстраивая внешнюю политику, Россия руководствуется представлением о том, что своей наиболее развитой и густонаселенной частью она располагает в Европе, что в последние три столетия ее политическая, дипломатическая, экономическая, научная и культурная история была связана прежде всего с этой частью мира. Россия - одна из крупнейших составляющих европейской цивилизации - распространила ее на миллионы квадратных километров от Уральских гор до Тихого океана, привнесла ее в свое время не только в Сибирь, но и на Дальний Восток и в Среднюю Азию». И там же: «Уверен, «Большая Европа» - тыл для России, обеспечив надежность которого она увеличит шансы на успех по продвижению в других регионах планеты, в первую очередь в АТР. Играть роль «вторых США» или «второго Китая» для нее было бы заблуждением: на это просто не хватит ресурсов, даже потенциальных, не говоря уже об имеющихся. Превратить себя в бесспорного тяжеловеса в XXI веке Россия может, закрепив роль стратегического партнера ЕС и одновременно ядра интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Эти два вектора российской внешней политики будут не противоречить, а лишь усиливать друг друга»* [11, с. 84]. Вряд ли можно спорить, что постсоветская российская государственность и общественная мысль разделяют именно европейские ценности социальной сферы, естественно, с их российской исторической спецификой - то есть принцип, согласно которому государство (как и по Аристотелю или Ж.-Ж. Руссо) функционирует в интересах народа, основано по канонам демократии с ее принципом периодической сменяемости власти путем выборов. И в этом тоже наша цивилизационная историческая идентичность - в отличие от восточных сатрапий [19]. Представляется, что в российской практике, мировоззрении и осознании социокультурной идентичности в целом не привилась азиатская традиция, когда народ служит сатрапу и бездумно-покорно выполняет его предначертания. Что касается социально-психологических признаков, то, по мнению классика российской историографии В.О. Ключевского, для русского национального

характера типична способность к напряжению всех сил на небольших отрезках времени, но не к равномерной работе [21, с. 312]. Однако подобные различия можно наблюдать и, например, между германцами и французами. По мнению одного из наиболее интересных, неортодоксальных русских мыслителей П.Я. Чаадаева: «Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян — всё же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что ещё сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов» [45, с. 24]. Это, полагаем, относится и к крупнейшему европейскому народу - русскому, исторически приверженному европейским ценностям. При этом тот же объявленный Николаем I сумасшедшим «басманный философ» признавал неприятие в России «силлогизма Запада» в силу отсутствия различия между рабом и свободным гражданином, а будущего у нее, по его словам, призванной явить миру тупики развития, не видел вовсе.

По мнению Президента В.В. Путина, «... новая российская идея рождается как сплав, как органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем» [38]. Уместно в этом плане вспомнить подзабытую констатацию президента В.В. Путина, что «российский народ выбрал идеи свободы и либерализма и, в массе своей, отринул «тоталитарную идеологию сталинского типа». Так говоря в Бундестаге о европейской интеграции как о будущем России, В.В. Путин еще в 2001 году призывал раз и навсегда покончить с наследием «холодной войны»: «Мы понимаем: без современной, прочной и устойчивой архитектуры безопасности нам никогда не создать на континенте атмосферу доверия. А без атмосферы доверия не может быть единой Большой Европы!». Несомненно, для автора, что «государство-цивилизация» (как отмечено в «Концепции внешней политики РФ» 2023 года), Россия не вычленила себя, да и не смогла бы, из «Большой Европы» [7], органичной исторической частью которой является, и «закрывать» которую никому не по силам. При этом, разумеется, реалистичный академический подход должен учитывать, что в руководящих кругах Европы и её политическом сообществе многие отнюдь не убеждены, что в России власти и народные массы привержены западным или «общечеловеческим» ценностям, особенно в плане развития внутренних процессов, концепций демократии, прав человека и толерантности, или политики на постсоветском пространстве. В этой связи многоплановый анализ эволюции «идеи Европы» в современных отечественных исторических дискуссиях напрямую связан с рассмотрением перспектив взаимоотношения России с европейскими странами и Европейским союзом, выстраиванием внешнеполитической линии на данном направлении.

Вопрос о самоидентификации и культурно-геополитическом позиционировании России в «мировой ойкумене» в русском общественном сознании исторически вставал с самого зарождения единого государства на занимаемой территории. В русском миропонимании, как руководящих политических сил, так и народных масс, «проклятый вопрос» о местоположении России в том или ином ее оформлении: «Кто мы?» или «С кем быть?» относится к извечным отечественным дилеммам определения роли, призвания и значения в мире, поиска национальной идеи, и следует сразу за извечными «Кто виноват» и «Что делать?». Этот *Gestalt* русского мирознания до сих пор, как представляется, не закрыт.

Обзор научной литературы

Тематике взаимоотношения России и Европы, развитию парадигмы русского «европеизма» посвящено немалое количество российских и европейских научных публикаций. Исторические истоки углублённого рассмотрения данной давно волнующей российское общественное сознание тематики находим если не у Ивана Грозного или в записках Екатерины Великой, то, с XIX в. - в острой полемике западников и славянофилов, например, П.Я. Чаадаева («Философические письма», «Апология сумасшедшего»), Т.Н. Грановского («Письма к А.И. Герцену»), А.И. Герцена («С того берега»), В.С. Печерина («Оправдание моей веры») или В.С. Соловьёва («Россия и Европа», «Национальный вопрос») - с М.Н. Катковым («Имперское слово. Пути русского имперского сознания»), К.С. Аксаковым («О русском воззрении») или Н.Я. Данилевским («Россия и Европа»). Для современных исследователей также характерна резкая политизация проблемы, когда сталкивается признание необходимости «вестернизации», неотъемлемости России от всего европейского региона - с критикой концепции и призывами обособиться в некой самобытной, «островной» национальной уникальности или утверждениями об исторической чуждости Европе [11], [13]. Здесь нельзя не выделить монографию давно исследующего комплексную тему «русского европеизма» ведущего отечественного историка, академика А.О. Чубарьяна «Европейская идея и Россия» [46]. Автор явно придерживается «западнической» линии трактовки этой концепции, считающей такую политику благотворной и даже неизбежной для России. По мнению этого влиятельного учёного, понимание и усвоение европеизма, в том числе и как типа культуры (интеллектуальной, элитарной), и как явления повседневной жизни должно стать основным содержанием нового этапа в развитии российского общественного сознания, в той мере, в какой общество здесь осознает себя частью европейской цивилизации [46, с. 14]. В течение десятилетий разрабатывают европейскую тему академик В.Г. Барановский [6], член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко [11], [12]. Взаимоотношениям России и «Большой Европы» в сфере региональной безопасности посвящены также работы ведущих представителей отечественной школы «европеистов» Н. Арбатовой [4], [5], Ю. Борко, О. Буториной, Д. Данилова, В. Журкина, А. Загорского, Н. Кавешникова, А. Картунова, С. Картунова, К. Курьлева, Ф. Лукьянова, М. Носова, Т. Оберемко, С. Ознобищева, О. Потемкиной, Т. Пархалиной, Ю. Рубинского, В. Федорова. Для них аксиомой является принадлежность России как ведущей державы «Большой Европе» - при всей специфике российского развития. Свой проект разработки новых взаимоотношений с Евросоюзом наряду с учеными ИЕРАН, ИСКРАН и ИМЭМО РАН предлагают исследователи НИУ ВШЭ, например признанные эксперты из её ЦКЕМИ Т. Бордачев и Д. Суслов [42]. Точкам зрения «либеральной» части политологов противостоит ряд консервативных авторов. Отстаиванием тезиса об альтернативности России всегда враждебной ей Европе характерны сегодня, например, оценки А. Дугина, а также публикации близких в идеологическом плане к КПРФ авторов.

Методы

В статье применены различные научные методы для исследования ключевых аспектов, касающихся выявления возможностей и перспектив российско-европейского стратегического диалога. Важную роль имели методы *анализа и синтеза* данных, включающие в себя изучение и систематизацию информации о текущем состоянии взаимной безопасности, экономических и культурных связей между Россией и «Большой Европой». Использование *исторического метода* дополняло современную картину особенностями историко-политических контекстов, влияющих и на современную ситуацию с ролью страны в регионе, включая и позиции российских и европейских элит. Существенную роль в статье сыграл *компаративный анализ*, сравнивающий базовые подходы России и стран Европы, их интересы, цели и приоритеты. Это позволило выявить сходства и различия в понимании темы анализа и перспективы поиска возможных путей

решения. Данные научные методы применялись для более глубокого анализа проблематики глобальной и региональной безопасности и выработки рекомендаций по восстановлению и затем укреплению российско-европейского диалога и сотрудничества в ключевых сферах.

Результаты анализа

Уроки истории: История ничему нас не учит?

Рассматривая историческую траекторию «Русского мира» уместно вспомнить знаменитый парадокс Г. Гегеля – «...народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее...» [8, с. 62], перефразированный В.О. Ключевским в том смысле, что история только «надзирательница», то есть не прямой творец настоящего, она «ничему не учит», а только «наказывает за невыученные уроки» [21, с. 312]. Не вдаваясь в детали исторической метаморфозы понимания российским культурным и политическим классом места страны в мире в его различных ипостасях, отметим только, что без усвоения уроков исторического экскурса невозможно проанализировать и нынешнюю трансформацию российской парадигмы европеизма. При этом необходим взвешенный научный подход, дабы, намечая пути на будущее, разобраться без пристрастных перегибов в оценках с нашими прошлыми стратегиями и их ошибками, не становясь при этом заложниками собственной во многом апокрифичной истории российской общественной мысли. Однако современные политические коллизии не должны мешать вдумчиво анализировать наше прошлое и настоящее, решая вечную дилемму противостояния и взаимообогащения Восток-Запад. Заметим, что история у нас не наука об изучении прошлого, а важнейший фактор интерпретации современных политических реалий. Многие исторические фигуры, такие как Петр и Екатерина Великие или И. Сталин, выступают как будто действующие персонажи политической сцены современной России.

Принадлежность России Европе по культурно-историческому типу оспаривалась не только адептами уникальной самобытности в самой России, но и самими европейцами, - что в обоих случаях нельзя не признать проявлением той же русофобии - хотя и по различным мотивациям. В процесс самоидентификации местного населения с самого начала создания государства на обширной территории, а затем и княжеств из отдельных племен вмешивались соседи-иностранцы. Главным тезисом впервые посетивших Московию и оставивших свои впечатления об этой земле западноевропейских путешественников и дипломатов стало утверждение о якобы чуждости нового государства европейским канонам, и, как очевидно, прежде всего, католическим догматам, - несмотря на раннее принятие христианства восточными славянами в наследие от Восточной Римской Империи [58]. Такой представлялась Россия Ивана III, окончательно сбросившая иго Золотой Орды и Василия III (1505–1533 гг.) – т.е. как нечто чуждое европейской культуре и порядкам. Однако уже с XVI-го века Россия участвовала в решении ряда общеевропейских проблем, о чем свидетельствуют хорошо известные «Записки о московских делах» 1549 г. Сигизмунда фон Герберштейна, пытавшегося втянуть Московию в борьбу с турками и восстановить нормальные отношения между Русью и Польшей [9]. Русская земля, тем не менее, и тогда уже была неотъемлемой частью Европы - как бы враждебно по понятным геополитическим мотивам к ней ни относились соседи, - что оставалось и типичным в рамках исторически сложившихся отношений той эпохи. Тем более объяснимы неприятие и даже зависть по отношению к «славянскому колоссу» с его территорией и природными ресурсами, к тому же не желающему принимать главенствующее в Европе католичество. Поэтому ожидать особой благосклонности к формирующейся в продолжение русских княжеств и Московии российской империи было бы верхом наивности. Уже Иван IV Грозный, венчаясь на царство в 1547 г., объявил себя не только самодержавным царем Всея Руси, но и, в соответствии с ритуалом византийских императоров, святым помазанником божьим, главным защитником неоскверненной

инакомыслием древней христианской веры, главой христианского мира, что и стало идеологией Московского царства [59]. Через 40 лет после завоевания османами Константинополя - в 1492 г. митрополитом Зосимой были намечены основы ставшей основой «русской идеи» концепции преемства с Византией как бы в основе историсофской парадигмы - «Москва-третий Рим», классически закреплённой в 1523 г. монахом Филофеем - «*первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому не бывать*» [60].

Победы Петра Первого в Северной войне определили европейский вектор развития России. В случае отсутствия петровских реформ, (подвергаемых и в настоящее время резкой критике как экспертами, так и в массовом сознании, за их жестокость и несоответствие «вековым национальным устоям, православной соборности»), Россия, отставая в развитии от соседей, была бы поделена на какие-то уделы и стала протекторатом более развитых соседей. Скорее всего, оставаясь частью Речи Посполитой (раздела Польши не было бы затем при Екатерине Великой) или Швеции, от которой Петр возвратил после победы немало исконно русских земель (территории Лифляндии, Эстляндии, Курляндии, Ингерманландии, части Карелии, побережье от Выборга и до границ с Восточной Пруссией). Пётр Великий, этот «первый большевик», по выражению Максимилиана Волошина, столь ненавидимый Мариной Цветаевой [22], не просто «прорубил окно» в Европу, но и коренным образом изменил всю матрицу Российской государственности, создав её новый центр - Петербург в бывшей шведской Ингерманландии. Воспетый как символ русской государственности и национального самосознания А.С. Пушкиным - «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на русском троне был работник», - окончательно закрепил страну как великую и неотъемлемую Европейскую державу. Иницированными браками родственниц с германскими курфюрстами Пётр ещё более ангажировал русский императорский дом Романовых в европейские элитные династии. Однако исторически оформилась своего рода традиция и критики Петра Великого одновременно с признанием необходимости его реформ - от князя М.М. Щербатова и «Колумба истории российской» Н.М. Карамзина до Н.Я. Данилевского и большевиков - за жестокость чуждых русской самобытности преобразований (Тайная канцелярия, пытки, казни, кнут, кровь..), не только порушивших традиционные уклады, но и тяжким бременем легших на плечи того что называлось «простым народом». По словам мудрой соратницы Екатерины Второй Е.Р. Дашковой: «Как рабы, так и владельцы их были в равной мере жертвой его необузданной тирании. Первых он лишил общинного суда, у вторых он отнял все привилегии. И за что? Чтоб прочистить дорогу военному деспотизму – самому губительному и ненавистному из всех форм правления» [17].

Однако, как полагал наш маститый историк С.М. Соловьев, ни один народ в мире не совершал такого подвига, какой совершил русский народ под руководством Петра - благодаря ему Россия вошла в сообщество цивилизованных стран, а кроме того, Петру удалось связать воедино две половины дотоле разорванной Европы – Восточной и Западной [41]. В результате побед великого Петра Россия приобрела новый геополитический статус как победитель сильнейшей в Европе армии Швеции, став самым успешным и динамичным континентальным государством своего времени, важной частью мирового и регионального баланса сил, равноправным участником «большой игры» мировой политики. Окончательно эти позиции закрепились по итогам Семилетней войны 1756-1763 гг., охватившей Европу, Северную и Южную Америку, Карибы, колонии европейских держав в Азии. Столица разгромленной Пруссии Берлин был взят в 1760 г., завоевана Балтия. Русские войска, несмотря на фактически предательство недалекого Петра III показали превосходство русского солдата даже над когда-то превозносимой прусской армией Фридриха Второго. Россия решительно реформировала геополитическую схему тогдашнего мира. В результате Семилетней войны Россия окончательно закрепила статус сильнейшего европейского политического актора при всей

особенности ее исторического развития - неслучайна знаменитая констатация императрицы: «Россия есть европейская держава» - «поэтому последние и лучшие плоды европейской мысли должны найти здесь свое применение и воплощение». («Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767-1768 гг.») [21, с. 495-496]. Самая «русская на престоле российском» талантливая немка-«матушка» Екатерина II Алексеевна урожденная София-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская окончательно закрепила великодержавный статус России - в том числе и при разделе наряду с Пруссией и Австрией Речи Посполитой - чуть было её не завоевавшей Москву в 1612 году. Будучи дочерью принцессы, Иоганны-Елизаветы (урожденной принцессы Гольштейн-Готторпской) - в родстве с королевскими домами Швеции, Пруссии и Англии, Екатерина фактически ввела в европейскую генеалогию династию русских императоров, начиная с Петра III, как «Гольштейн-Готторп-Романовы».

Во многом в конце XVIII в. формировались границы, которые затем России приходится отстаивать. На Российскую империю как наиболее обширную европейскую державу приходилось 20% населения Европы. Свершения Екатерины Великой (после устранения фактически дезавуировавшего все предыдущие завоевания России в Пруссии незадачливого Петра III) означали не только присоединение большей части Польши 1772 г. (земли к востоку от Буга по линии Немиров-Гродно, разделенные тогда на Курляндскую, Виленскую и Гродненскую губернии), но и того, что сегодня называется Литвой 1795 г., Латвией 1792, 1772 г., Эстонией 1795 г., а также Украины 1654 г. и Белоруссии 1772, 1792 г., Крыма 1783 г., Новороссии, Кубани 1783 г., Бессарабии 1779 г., Грузии 1781 г., Карабаха 1813 г., Азербайджана 1806, 1813 г., Чукотки 1778 г. и Камчатки 1697 г., Аляски 1799 г., но и ликвидировали там чужеродное иностранное влияние [23]. Отсюда горделивая сентенция тогдашнего российского дипломата: «при нас ни одна пушка в Европе без нашего позволения выпалить не смела». «Польша была только на завтрак... а где же они собираются обедать?» - сетовал британский философ-идеолог консерватизма Эдмунд Берк, задаваясь встававшим перед многими политиками тогда в Европе тревожным вопросом - но, однако считавший, что «Россия спасет мир от варварства и разрухи» [25].

Победив армию Наполеона, Россия предстала - для многих наблюдателей тогда неожиданно - ведущей державой, инициатором схемы «Венской системы» в Европе, заложившей прецеденты для создания Евросоюза в будущем. Именно Александр Первый «Благословенный» [53], являлся бесспорно самым могущественным из всех монархов тогда разоренной и обескровленной наполеоновскими агрессиями Европы, при всех метаниях его безвольной и богобоязненной натуры, а не лорд Кэслри или Талейран, как это пытался утверждать Г. Киссинджер в своей первой монографии «Мир восстановленный» [48]. Именно «русский царь» стал отцом-основателем новой, возрожденной после наполеоновского господства Европы и автором продвижения зародыша идеи интеграции континента, пусть на основе «Священного союза» реакционных монархий. Наполеону не удалось остановить возвышения России как центрального игрока в Европе, оградиться от нее «восточным барьером» и объединить под собой континент. Продолжением этого стереотипного неприятия России стали путевые заметки маркиза А. де Кюстина (*La Russie en 1839*) [23], вышедшие в свет в Париже в 1843 г. и надолго ставшие основой обвинений самодержавной монархии во всех мыслимых ужасах варварского существования со стороны всевозможных русофобов, вплоть до З. Бжезинского, - однако умозаключения эти не подкреплены были впоследствии реальной фактологией. *«В массе своей русские показали мне грандиозными даже в отвратительнейших пороках... Дух их правления, решительно чуждый моим убеждениям и привычкам, а также очевидные противоречия, раздирающие сегодня их общество, исторгли из моих уст упреки и даже возгласы негодования.. Призвание русских — переводить европейскую цивилизацию для азиатков... Россия — общество подражателей, а всякий, кто умеет лишь копировать других,*

неизбежно впадает в карикатурность... Сердечность незнакома русским — ее они у немцев не позаимствовали.... Русским, как и всем новичкам в цивилизованном мире, свойственна крайняя обидчивость; они не выносят даже общих суждений, все относя на свой счет; нигде так плохо не отзываются о Франции; менее всего в России понимают свободу мысли и слова» [23, с. 16].

На протяжении 18-19-х веков вопрос о том, является ли Россия частью европейской цивилизации или каким-то особенным, отдельным и даже извечно противостоящим ей образованием лежал как паттерн, без преувеличения, в основе исканий русской общественно-политической и философской мысли, находился в центре всего «самоидентификационного нарратива» как основа затяжной борьбы западников со славянофилами. Об этом углубленно размышляли А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь и И.С. Тургенев. И.В. Киреевский и А.И. Герцен, братья Ф.М. и М.М. Достоевские, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. Н.Я. Данилевский и К. Аксаков призывали Россию не «обезьянничать», а прервать все связи с Западом, а славянофилы желали наладить отношения между русской и западной цивилизациями. Н.Я. Данилевский, полагавший славян отдельным культурно историческим типом, писал: «...В настоящее время сознание о политическом целом, именуемом Европою ... является результатом сознания существования чего-то ей политически противоположного, а это противоположное, эта анти-Европа, и есть Россия...» [16, с. 59]. Вряд ли русским европеистам-реформаторам вроде А.С. Пушкина, М.М. Сперанского, Н.В. Станкевича, Т.Н. Грановского, а затем и Н.А. Бердяеву, С.Н. Булгакову, Г.П. Федотову, Ф.А. Степуну или П.Н. Милюкову [33] удалось преодолеть эту довольно укоренившуюся при царившем в императорской России консерватизме правящей элиты идеологию особого «русского пути», свидетельством чему служит хотя бы либерально-консервативный проект «Великой России» философа-сменовеховца П.Б. Струве. Много передумавший о судьбе России выдающийся русский поэт Ф.И. Тютчев в своем наивном проекте установления «вечного мира» между Россией и европейскими державами подчеркивал абсолютную теоретическую противоположность духовной эволюции Запада традициям и «историческому принципу» русского национального существования, полагая, что «европейский Запад является лишь половиной великого органического целого, и что «по видимости неразрешимые затруднения, терзающие его, найдут свое разрешение только в другой половине», считая также «величайшим злом - прививание Западом революционного начала славянским народам» [43, с. 84, 217]. Противопоставляя Россию Западу, влиятельнейший консервативный публицист и издатель М.Н. Катков, впрочем, не считавший Россию «окраиной Европы» и ценивший связь отечественной культуры с европейской, утверждал: *«Западный конституционализм может быть рекомендован лишь злейшими врагами России... Никто так не ошибается насчет России, как те, которые называют ее демократической страной»... «никто так не ошибается насчет России, как те, которые называют ее демократической страной. Напротив, нет народа, в котором демократические инстинкты были бы слабее развиты, чем в народе русском».*

«Противоположность между нами и Западом, — утверждал он, — в том состоит, что там все основано на договорных отношениях, а у нас на вере. Такое слияние Царя с народом и взаимная их принадлежность друг к другу вели к тому выводу, что всякая царская служба была службой государственной и всякая государственная служба — царской, то же самое были и обязанности»» [14, с. 32]. Однако и этот тогдашний «властитель дум» не видел полного отрыва российской истории от европейской или развития России — от развития Запада.

Негативные итоги Крымской кампании, когда Франция и Великобритания пытались «проучить» Николая Первого за слишком запросные географические европейские претензии в приграничье Империи, были нейтрализованы благодаря блестящей дипломатии канцлера А.М. Горчакова. Эти же державы были вынуждены в начале 20-го века учредить с Россией Антанту как противовес «Тройственному союзу»

Германии, Австро-Венгрии и Италии. Русско-британское сближение 1903-1907 гг. окончательно обозначило российскую «непременность» в Европе, как и её раздел на два враждующих лагеря, впоследствии приведший к Первой мировой войне. В то же время позорное поражение в русско-японской войне и Вашингтонский договор 1905 г. положили конец притязаниям Российской империи на Дальнем Востоке и в Азии. Всегдашняя мечта русских правителей - захватить Константинополь-Царьград и контролировать проливы Босфор, западный берег Мраморного моря и Дарданеллы с выходом на море Эгейское и привести к краху Османскую империю - так и не сбылась. Российское руководство в 1914 г. не осознало важности и не добилось захвата Проливов на том этапе Великой войны. России пришлось после победы большевиков во многом содействовать становлению новой независимой Турции Кемаля Ататюрка. Однако даже вопиющая некомпетентность и коррумпированность последнего царского режима, как и «реформаторов» начала 1990-х, только подтвердили тот факт, что Россия не пресловутый мифический «остров», поскольку подвержена тем же тектоническим процессам и сдвигам, что и Европа (т.е. революциям начала 20-го века в первом случае, и процессам выстраивания новой региональной модели социально-экономического развития - во втором).

«Островная» идеологема

Россия была и остаётся неотъемлемой частью и европейской цивилизации, и «Большой Европы», но не «островом», как пытались представлять «мониторившие» Московию Адам Олеарий [34] или Сигизмунд фон Герберштейн. Впоследствии «островную» линию российской историософии продолжили «евразийцы», действовавшие осознанно или вслепую под контролем ОГПУ-НКВД. В идеологической схеме евразийства – (а это, по весьма справедливому, на наш взгляд, замечанию академика А. Арбатова, всего лишь *«надуманная теория, призванная обосновать непреодолимую пропасть между Россией и остальной Европой, ее нормами и ценностями, выстраданными за века страшных европейских потрясений и жертв»*) идея «острова», созидания новой государственности в принципиально иных границах, автаркии являлся одним из важнейших постулатов. Как бы академически рассматривая в своих «Очерках» вечный вопрос о месте России - на Западе или Востоке историк и политик П.Н. Милюков иронически-уничтожительно высмеял теории евразийцев: «Какая же мы Евразия, мы скорее Азиопа!». Для него ответ был прост: «Россия — есть тоже Европа» [36]. Другой вопрос-это проявившееся в лучших работах евразийцев идея развития России как континентального «государства - цивилизации» на основе европейских ценностей, науки и культуры и опираясь на ресурсы страны, в том числе ее азиатской части. К разочарованию евразийцев большевистские вожди не заинтересовались их идеями, придерживаясь если уж не впоследствии теории мировой революции, то явно проевропейской ориентации, «врастания» в Версальскую систему Европы, даже в поисках там союзников Советскому государству. Во внешнеполитической концепции большевизма идея «острова» не привились - ибо целью первоначально мыслилось создание мировой системы социализма, а затем закрепление роли СССР как мировой державы с глобальным влиянием. Историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне и установление тогда крайне выгодного Советскому Союзу порядка в Европе закрепили его статус великой державы, надолго - как лидера почти половины мира. Трудно спорить с тем, что менталитет советского вождя И. Сталина, при всей его параноидальности (по Ортега-и-Гассету, большевизм являлся движением вспять в мировой цивилизации), всё же геополитически подходил к мировым делам в канонах европейского политика типажа У. Черчилля или Ш. Де Голля, с чем и они соглашались. Идеи идеологов евразийства - Н.С. Трубецкого, П.Н.Савицкого, Г. В. Флоровского, Г.В. Вернадского, Р.О. Якобсона, Л.П. Карсавина, Д.П. Святополк-Мирского, наивно пытавшимися соединить «русскую идею» с внешней политикой большевиков [18, с. 2], оказались востребованными и в постсоветский период. Примерно подобные «евразийские» парадигмы пытался в псевдонаучном ключе своих

популяризированных теорий «этногенеза» и «пассионарности» продвигать историк Л.Н. Гумилёв.

После распада СССР, на волне идейного кризиса элит и отрешения в академической среде в целом от господствующей марксистской идеологии геополитическая аргументация «изоляционистов» была подхвачена популярным в консервативно-традиционалистском сообществе политологом и филологом Вадимом Леонидовичем Цымбурским. В какой-то мере в развитие концепций О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Гумилева и предвосхищая знаменитого культуролога С. Хантингтона, им была выдвинута концепция особой «цивилизационной платформы» - т.е. уникальной цивилизации и «похищения Европы» в российской истории [47]. Причем, примечательно, — это было озвучено в 1993 г., когда российские правящие элиты стремились взять на вооружение стратегию Европы «от Лиссабона до Владивостока». Разделяемая ныне многими российскими политологами и политиками идеологема Цымбурского о России как «гигантском острове внутри континента», отгороженном от других цивилизационных ареалов особыми «территориями-проливами», «шельфами», была, как полагаем, своего рода реакцией на неудачные реформы 90-х гг. запутавшегося в исканиях истины, заматавшегося в поисках выживания в новых условиях советского интеллигента, разочаровавшегося в евроатлантической цивилизации и ее канонах. Как и своего рода отповедью на пренебрежение «коллективного Запада» в отношении попыток «новой России» выдержать экзамен на соответствие нормам европейской демократии, законам конкурентного бизнеса социально-ориентированного капитализма и уважения прав человека. По мысли философа-культуролога, мимолетное желание России стать европейской державой неизбежно вылилось в политику вмешательства в европейские дела и доминирования в них, что, в свою очередь, привело к антироссийской консолидации Европы и «эффекту бумеранга», в результате которого Европа двинулась на Восток, вытесняя Россию. В. Цымбурский рассматривал постсоветский период географического сокращения как преимущество и исторический шанс, когда Россия могла бы вырваться из этого порочного круга и заново создать себя как «остров», окруженный морями и нерусскими, но и неполностью европейскими нациями на Западе [27]. Поэтому, считал Цымбурский, Россия могла бы укрепить свою безопасность только в том случае, если бы отказалась от идеи воссоединения с Европой или каких-то планов по воссозданию новой империи под эгидой какой-либо антизападной идеологии; естественно, если евроатлантические организации не попытаются взять под контроль так называемую «Великую лимитрофию» - обширное пространство от Центральной Азии до Прибалтики [48]. Эти идеи развивает и ученик В. Цымбурского философ Б. Межуев [26], призывая к разработке «философии безразличия», которая продемонстрировала бы, что «чем меньше интеграции, тем лучше отношения (с Западом - авт.)» [28].

Особенно популярны идеи обособления и построения нового евразийского пространственного континуума становятся в нынешней ситуации напряженной конфронтации Москвы с Западом - с опорой на коалицию с «глобальным Югом» и новыми образованиями типа БРИКС или ШОС. Однако эти идеи могут быть интересны для анализа современных отечественных подходов к «цивилизационной конфликтологии» и методам междисциплинарного изучения геополитических процессов [44]. Критика своеобразной концепции «евразийства» отнюдь не означает, что Россия не должна развивать евразийский вектор своей внешней политики и экономики, выстраивания союзов, активного продвижения многоуровневой, разноскоростной по направлениям интеграции единого евразийского пространства как ареала своего преобладания во всех сферах, - особенно в условиях нынешнего острого противостояния с «коллективным Западом». Своеобразным ответом на концепцию «острова» В. Цымбурского явился широко известный модель-концепт «Русского мира», обновленный в 70-х гг. Г.П. Щедровицким и членами его «Московского методологического кружка» его интеллектуально-практической школы как «сетевая структура больших и малых

сообществ, думающих и говорящих на русском языке», то есть одно из решений проблемы распадавшейся постсоветской среды [49].

«Русский мир» - это термин, используемый для обозначения культурно-цивилизационной, геополитической и религиозной концепции, подразумевающей духовное объединение русскоязычного населения по всему миру. При этом понятие «Русский мир» не имеет однозначного толкования или юридического определения.

Крайне важно, на наш взгляд, чтобы эта имеющая древние исторические корни теория «Русского мира», а ныне почти официальная у нас государственная идеология, материализовывалась бы исключительно как важнейший инструмент нашей «мягкой силы», не давая поводов западным критикам-русофобам и политикам-недоброжелателям выставлять ее как оправдание какой-то традиционно приписываемой агрессивной стратегии российской власти.

Европейский вектор развития России

Являться в мире составной частью Европы отнюдь не означает быть у неё в каком-либо подчинении, что для России и немыслимо в силу истории и наличия разнообразных ресурсов. Крайне опасные последствия во всех планах несло бы стремление поддаться невольному искушению в ответ на неприятие и осуждение и «замкнуться в себе» - в оправдываемом историей противостоянии всегда-враждебному или, по меньшей мере, скептическому в отношении местных реалий Западу. Отгораживаться значило бы признавать слабость, неумение отстаивать свои интересы, и даже стало бы констатацией геополитического поражения. Если принять известный и разделяемый ныне многими в российском политикуме тезис того же Н.Я. Данилевского [40] о том, что «с общей культурно-исторической точки зрения Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению, что ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения - быть никем...» [15] - то получается, что Россия возникла не как органичная и специфичная восточная часть цивилизации европейской, а занесена как бы на Землю из космоса. Это также было бы странно и с учетом растущего человеческого капитала страны и ее влияния в мире.

Россия с ее развивающейся смешанной экономикой в целом успешно решила задачу комплексного опережающего/догоняющего развития, в принципе влившись в ядро капиталистической системы «мир-экономики» [63] при инновационном использовании инструментария центральной роли государства, - как, впрочем, и многие государства в Европе. Таким образом так или иначе успешно завершились реформы, начатые Петром I, Александром II и Александром III, П.Н. Столыпиным и С.Ю. Витте, И. Сталиным и А. Косыгиным, М. Горбачевым и Б. Ельциным. Совокупность этих реформ, в конечном счете, зачастую преодолевая недоверие и противодействие Запада, даже его санкционное давление в последние годы, вывела Россию в число ведущих экономик Европы (ныне там вторая и четвертая в мире по индексу паритета покупательной способности) - при её несомненном довлении как неустраняемого фактора в региональной политике. Россия останется партнером Европы при любом сценарии развития ее западной части – будь-то как интеграционной группировкой - влиятельного участника мировых процессов - или же влившейся в более широкие евразийские или трансатлантические мирообразования. Взаимопроникновение и взаимовлияние культур при оплодотворении западных вливаний российской самобытностью сделали Россию уникальной евразийской цивилизацией - и термин евразийский здесь употребляется исключительно в географическом его понимании. Нам надо не уклоняться от взаимодействия даже сегодня, не «бегать и убеждать», а продолжать активно, в наступательном порядке навязывать Европе диалог, подвигая там политические руководящие круги в пользу, в конечном счете, взаимовыгодной нормализации взаимоотношений. Российским же элитам назрела задача

наконец определиться - относится ли их страна к европейской или азиатской идее развития, - хотя предсказуемо они и продолжают колебаться между двумя матрицами развития. Считали бы первоочередной задачей преодоления беспрецедентного взаимного отчуждения, нынешнего тектонического сдвига во взаимоотношениях с остальной Европой. При этом продолжая развивать азиатско-тихоокеанский вектор внешней и внешнеэкономической политики, прежде всего с такими важнейшими контрагентами, как стратегический партнер Китай, Индия, БРИКС в целом или АСЕАН. В условиях непростого диалога с нашими западными партнерами необходимо искать конструктивные развязки, пути ухода от глухой конфронтации. Тем более, с учетом общей истории, культуры и мировосприятия. Напомним, что исторически Россия стала бесспорно великой мировой державой в XVIII в. лишь по-петровски «вестернизовавшись» - на основе творчески переработанных и неплохо усвоенных заимствований из Европы во всех сферах.

Вся структура и конфигурация европейского государственного устройства, до сих пор установленные Ялтинско-Потсдамской системой, Хельсинкским Заключительным актом 1975 г., Основополагающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО 1997 г. или Парижской хартией ОБСЕ для новой Европы 1990 г., Будапештским меморандумом 1994 г., стамбульской Хартией европейской безопасности ОБСЕ 1999 г. и Римской декларацией Россия–НАТО 2002 г., уже стали достоянием истории. Заложенные там и хорошо известные принципы «эпохи после окончания холодной войны» уже, очевидно, поставлены под сомнение.

Вспомним, что и на пике «холодной войны» Россия и Запад сумели находить взаимоприемлемые компромиссные развязки и поддерживать продуктивный дипломатический диалог, которые предотвратили Третью мировую войну, в частности из-за Берлинского и Карибского кризисов, ситуации на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Тогда и обнаружилась контрпродуктивность внешнеполитических увязок. Через год после ввода войск стран ОВД в Чехословакию для подавления «Пражской весны» и сохранения «реального» социалистического строя (по «Доктрине Брежнева») в 1969 г. в Хельсинки начались переговоры об ограничении стратегических ядерных вооружений, завершившиеся подписанием исторических, фактически первых, документов по контролю над ядерными вооружениями - ОСВ-I (1972 г.) и ОСВ-II (1979 г.), и всё это несмотря на агрессию США во Вьетнаме. На основе этих договоров позже были подписаны СНВ-I (1991 г.), СНВ-II (1993 г.), парафированы СНВ-III (1997 г.), Московский договор о СНП (2002 г.) и Новый (Пражский) ДСНВ (2010 г.) о сокращении стратегических наступательных вооружений.

Уже сегодня российской дипломатии можно было бы предложить широкую инициативную программу внешнеполитических инициатив. Ее основные моменты к тому же уже намечены в многочисленных сценариях отечественных и западных политологов [1], [2], [50], [51]. Вспомним слова У. Черчилля из его печально известной «Фултонской речи», заложившей, как и «длинная телеграмма» американского дипломата Дж. Кеннана, основы политики Запада в отношении «сдерживания» Советской России на многие годы вперед: *«Послевоенный мир не может стать по-настоящему безопасным без построения новой, единой Европы, ни одна из наций которой не должна чувствовать себя напрочь отвергнутой из европейской семьи народов»* [52].

Сегодня процесс нормализации в Европе можно было бы начать с предложения о запуске диалога по новой системе европейской послевоенной безопасности. Имеются детальные наработки о перспективных первоначальных мерах доверия и транспарентности, снижения рисков непреднамеренных опасных военных инцидентов, которые грозили бы перерасти в крупные военные конфликты в регионе [62].

Первоначальные инициативы для разблокирования

Как известно, все войны неизбежно заканчиваются мирным договором либо, в крайнем случае, перемирием, т.е. соглашением о прекращении ведения боевых действий. Каждая постконфликтная ситуация ставит задачу послевоенного урегулирования и нормативно-правового закрепления новых реалий [37]. Естественно, что такие варианты решений разрабатываются уже в ходе вооруженного конфликта, в том числе с прямым участием независимых и пользующихся доверием посредников [32]. Прежде чем может быть достигнуто какое-либо твердое прекращение огня где-либо теоретически необходимо достичь временного, взаимоприемлемого, компромиссного соглашения по ряду ключевых областей. По прецедентам европейской истории, прекращение состояния войны по заключению мирного договора означало бы окончательное урегулирование политических, экономических, территориальных споров и претензий, восстановление официальных отношений в полном объеме, обмен дипломатическими представительствами, делимитация границ, обязательство демократического развития, решение вопросов о репарациях и реституциях. Примерно похожие решения имели место в истории «Большой Европы».

Бурные события после начала в 2000-х гг. непрекращающегося острейшего кризиса на Украине и вокруг нее, полностью изменили, на наш взгляд, и по мнению многих политиков и экспертов, характер и статус мировой и европейской политики и ситуации с безопасностью в Европе [3]. Рано или поздно, - и пока что непонятно каким образом, - но и он неизбежно закончится в той или иной форме [39]. Представляется, что постоянно длящаяся конфронтация бесперспективна и не может длиться вечно. Полагаем, что, несмотря на всю остроту нынешнего противостояния, было бы полезно не заикливаться в конфронтационном соревновании, а - по праву более сильной и выигрывающей стороны - предлагать пути выхода из нынешней напряженной кризисной ситуации. В конечном счете, в условиях безусловного российского преобладания в ядерном оружии не имеет значения, где находятся границы стран НАТО – никто в здравом уме не ожидает нового плана типа «Плана Барбароссы» со стороны Альянса, т.е. его прямой агрессии против России. Как никогда сегодня нужны не увязки, а развязки. Это, по нашему мнению, могло бы быть творчески применимо и к поискам политико-дипломатического урегулирования украинского кризиса, о чем уже давно заявляет российское руководство. Мирное урегулирование, безусловно, как полагаем, в интересах всех сторон - какими бы запросными и несопоставимыми ни казались их позиции на нынешнем этапе.

Такой теоретически мыслимый набор исходных постконфликтных договоренностей мог бы содержать следующие моменты, например:

- прежде всего, обсуждение условий долговременного прекращения огня и перемирия;
- согласование линии разделения/границы в пределах приблизительно 10 (20) км от линии боевого соприкосновения сторон [ЛБС, ФЕВА], вооруженным контингентам которых приказано оставаться там, где они находятся на момент прекращения огня. Некоторым резервам даже должен быть отдан приказ отойти подальше от переднего края зоны боевых действий;
- четкое определение статуса демилитаризованных зон и установленных там первоначальных мер безопасности;
- ограничения на параметры вооружений и военных объектов за пределами этих демилитаризованных зон, а также на численность военного/полувоенного персонала в определенных районах;
- обязательства не вступать в альянсы по обеспечению безопасности, направленные прямо или косвенно, друг против друга, - по крайней мере, на определенный договорно-зафиксированный период;
- запрет враждебной пропаганды друг против друга и поддержания организаций/акторов, ведущих подобную деятельность;

- договоры о свободе судоходства, определяющей особый режим сопредельных морей и речных бассейнов и их транспортных коридоров:
  - совместное разминирование пострадавших сухопутных районов и морских путей;
  - создание особого льготного режима для пересечения границ двух государств их гражданами и транспортных коридоров на территории обоих государств;
  - обеспечение полного уважения языковых предпочтений и религиозных убеждений меньшинств;
  - взаимопонимание, запрещающее использование их соответствующих территорий, воздушного, космического пространства и кибернетических возможностей для любой враждебной деятельности третьими сторонами;
  - содействие культурным, научным и гуманитарным контактам между двумя государствами и другим видам добрососедской деятельности;
  - взаимный отказ от судебного преследования лиц, причастных к этому конфликту, за исключением случаев явных преступлений против человечности;
  - двустороннее сотрудничество в области охраны окружающей среды для устранения негативных последствий военных действий и обеспечения безопасности мирных ядерных объектов;
  - создание специального международного фонда реконструкции и развития с участием всех сторон;
  - создание комплексной программы экономического сотрудничества между двумя государствами с участием Европейского союза и Евразийского экономического сообщества;
  - создание прочных, надежных и долговременных условий для преференциального энергетического сотрудничества между двумя странами на основе передовых международных принципов и практики;
  - отказ от применения санкций и совместное обращение к международному сообществу, ООН с просьбой об их отмене, урегулирование взаимных имущественных претензий.

Сегодня, как мы полагаем, было бы важно задуматься и о мерах возрождения традиционных инструментов контроля над вооружениями или продумывании последующих мер в этой области, следующих шагах по договорному снижению военной опасности и рисков крупных конфликтов. В частности, в связи с судьбой Нового (Пражского) договора по СНВ 2010 г. [31], проработкой каких-то договоренностей на замену устранившегося Договора по РСМД [61], или о модернизации Венского документа ОБСЕ по мерам укрепления доверия в Европе - дабы решительным образом не допустить начала новой гонки вооружений и общего коллапса стратегической стабильности. Нельзя опять же не согласиться с великим политиком У. Черчиллем: *«Нам нужна твердая разумная политика соглашений и договоров на взаимоприемлемой основе, и чем дольше мы будем с этим медлить, тем больше новых трудностей и опасностей у нас возникнет»* [52].

В этой связи полагали бы полезным и возможным предложить следующие пропозиции очевидные нам первоначальные идеи для своего рода нового российского «плана мира и разрядки международной напряженности» для выправления ситуации в отношениях России и остальной части «Большой Европы», - по типу комплекса мер советской всеобъемлющей «Программы мира» 1986 г., - которые можно было бы охарактеризовать как ***новая Программа мира Москвы.***

Она включала бы в частности:

-Заявление о важной роли России как ведущей державы «Большой Европы», открытой к диалогу с Западом на равноправной основе, в том числе по вопросам безопасности, стратегической стабильности и с учетом всего комплекса всеобъемлющих интересов договаривающихся сторон, основанных на существующих реалиях, базирующихся не на

ультимативных, а конструктивных инициативах, нацеленных на конечное достижение договоренностей.

- Идея созыва послевоенной мирной конференции в Европе - по типу Потсдамской или Хельсинской - для обсуждения планов создания общего пространства безопасности, согласования международно-правовых норм его европейской архитектуры на перспективу.

- Выдвижение в этом контексте инновационного пакета предложений по укреплению/восстановлению реалистичной, работающей европейской архитектуры безопасности - на основе согласования комплекса мер транспарентности, укрепления доверия, обмена информацией, предотвращения опасных военных инцидентов [30].

- С учетом приоритетности предотвращения опасных военных инцидентов между Россией и НАТО следовало бы также изучить, например, какого рода приемлемые гарантии безопасности России и Альянса могут быть реально достигнуты – такие как большая открытость в отношении крупномасштабных военных учений в приграничных районах, укрепление режима инспекций и уведомлений, обмен информацией о военных потенциалах и планировании, не размещение военных контингентов у границ друг друга ближе согласованной зоны [62].

- Новые контуры контроля над обычными вооружениями и вооруженными силами в Европе на замену ДОВСЕ [35].

- Идеи о восстановлении престижа ОБСЕ как гаранта и инструмента европейской безопасности и развития взаимоотношений с ней [30].

- Стороны возрождали бы и создавали по соглашению новые форумы для обсуждения и урегулирования проблем взаимодействия по вопросам безопасности, таких как обновление работы Совета Россия-НАТО или нового работоспособного органа на его согласованную замену, создавали новые каналы коммуникаций, в частности телефонные «горячие линии» [29].

- Предложения о первоочередных шагах по продвижению и возрождению процессов контроля над ядерными вооружениями и повышения эффективности Договора о нераспространении ядерного оружия и других документов о нераспространении ОМП. В этой связи идея восстановления имплементации в полном объеме и работы над продолжением Нового Договора по СНВ [54].

- Комплекс предложений об обсуждении новой парадигмы стратегической стабильности в формате не только в «Большой пятерке» СБ ООН или с США, но и с европейскими членами НАТО (при этом придерживаясь рамок традиционного концептуального аппарата в сфере стратегии международной безопасности, стратегической стабильности, и контроля над вооружениями в целях достижения юридически обязывающих и четко верифицируемых соглашений).

- Призыв к началу диалога по ракетно-ядерным вооружениям в Европе. Повторное выдвижение инициативы о взаимном отказе от размещения ракетных систем малой и средней дальности наземного базирования на европейском ТВД [32].

- Подтверждение принятого по инициативе России в 2022 г. заявления пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН – официальных ядерных держав о недопустимости ядерной войны заявление о необходимости продолжения усилий ядерных держав по снижению рисков развязывания ядерного конфликта и повышению прозрачности ядерных доктрин и стратегий, предотвращения развязывания ядерной войны и новой безудержной гонки ядерных вооружений, неприемлемости выдвижения публичных угроз нанесения превентивных ядерных ударов.

Подобные «запросные» позиции обоснованы как дипломатический традиционный маневр, однако, если они не обеспечивают консенсусного продвижения в дипломатическом процессе, то могут быть трансформированы, реализованы по частям или вообще сняты и отброшены.

Выводы

Кардинально видоизменённая европейская структура и нормативная база безопасности может появиться, как это очевидно, только в том случае, если Европа в конечном счете перейдет к установлению нового, «мирного» статус-кво. Ясно, что выход из беспрецедентного военно-политического противостояния России и Запада будет затяжным и архисложным. Россия могла бы конструктивно содействовать этому процессу, преодолевая нынешний глубочайший кризис в отношениях на основе инициативной линиий дипломатии. Полагали бы чрезвычайно ценным попытаться наметить практические меры, которые могли бы привести к новому качеству отношений - без подозрений и недоверия. Несомненно, пока что затруднительно предсказать, какие шаги или договоренности станут первоначальными. Тем не менее, необходимо продумывать стратегические ходы на дальнюю перспективу, творчески прорабатывать свои позиции и аргументы.

Следовало бы отрешиться от следования на поводу у комплексов отчуждённости и фрустрации в связи с непониманием и неприятием западных партнеров-собеседников. Такая позиция, на наш взгляд, ущербна, она говорит о неумении навязать свои аргументы и повестку дня оппонентам. Самоудаление и затяжная обструкция каких-либо переговоров всегда расценивается контрагентами, как признак слабости аргументов - так и ими воспринимается на Западе позиция Москвы по ДСНВ или контролю над вооружениями в Европе. Уклонение от переговоров не есть признак силы или дипломатического профессионализма. Самоустранение с каких-то форумов может быть даже опасным - как это показал уход советских представителей с заседаний Совета безопасности ООН в 1950 г., что позволило США провести вторжение в Корею под флагом операции ООН и до сих пор сохранять там ее флаг. Наоборот, следует творчески прорабатывать свою позицию, свою повестку дня и затем активно навязывать ее партнеру по будущим переговорам, как это мастерски умела делать - в самые сложные периоды «холодной войны» - советская дипломатия. Как любил повторять советский лидер-миротворец Л.И. Брежнев: «Нужны не увязки, а развязки!».

Нам действительно нужно вести переговоры ради нашей собственной безопасности, поскольку, как любил повторять легендарный советский дипломат министр А.А. Громыко: «Десять лет переговоров лучше одного дня войны» [10]. Тем более, когда речь идет о неотложной, центральной по важности задаче снижении рисков, нейтрализации угроз, купирования ключевых вызовов стратегической безопасности государства и обеспечения прозрачности, предсказуемости поведения другой стороны.

Россия, по А.С. Пушкину, «вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при грохоте пушек», где и остается навсегда.

Активная, позитивно наступательная дипломатия с целеустремленным навязыванием партнерам нашей повестки дня переговоров, естественно, сами определяя контуры своей безопасности, императивно актуальна именно в нынешней крайне непростой международной ситуации, которая не должна, тем не менее приводить к апатии, устранению от конструктивного поиска решения назревших проблем.

Литература

1. Архитектура евроатлантической безопасности. / Под ред. И.Ю. Юргенса, А.А. Дынкина, В.Г. Барановского. - М.: Эко-Информ, 2009. - 124 с.
2. Арбатов А.Г. Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 5-16.
3. Арбатов А.Г. Украинский кризис и стратегическая стабильность // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 10-31.
4. Арбатова Н.К. Россия и Европейский Союз: в поисках общей стратегии. Доклад: Н.К. Арбатова; отв. редактор. «Россия в Объединенной Европе». - М.: Издательство «Комитет «Россия в объединенной Европе», R. U. E., 2006. - 21 с.

5. Арбатова Н.К. Общее пространство между Россией и ЕС: утопия или реальность? // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №12. С. 3-12
6. Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 71–91.
7. Бусыгина И.М. Основы Большой Европы. РСМД. - М.: Спецкнига, 2014. - 350 с.
8. Гегель Г.В. Лекции по философии истории - Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Введение. - СПб.: Наука, 1993. - 480 с.
9. Герберштейн С. фон. Записки о Московии. В 2 т. Т. 1. - М.: Памятники исторической мысли. 2008. - 776 с.
10. Громыко А.А. «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко Предисловие С.В. Лаврова / Сост. Ал. А. Громыко. - М.: «Весь Мир», 2009. - 320 с.
11. Громыко Ал.А. Россия между Европой и Азией // Международная жизнь. 2012. №10. С. 84-89.
12. Громыко Ал.А. Россия, США, малая Европа (ЕС): конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Современная Европа. 2015. №4. С. 5-14.
13. Громыко Ал.А. Европа в глобальной пересборке / Под общ. ред. Ал. А. Громыко. - М.: Изд. «Весь Мир». Институт Европы, 2023. – 503 с.
14. Гутникова А. П. М.Н. Катков в отечественной публицистике 2-й половины XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 9. С. 30-34.
15. Данилевский Н.Я. Горе победителям! // Русская Речь. январь-февраль 1879. - М.: АЛИР, ГУП "Облиздат", 1998. - 414 с.
16. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. - М.: Институт русской цивилизации. - 816 с.
17. Дашкова Е. Р. Записки княгини: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2003. - 256 с.
18. Жуков Л. Н. Евразийство: Эмиграция в поисках другого пути России // Евразийство в контексте современности. Сб. ст. - СПб.: Скиф, 1995. – 41 с.
19. Кантор В.К. Понимать Россию умом (к проблеме самосознания русской мысли) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 3. С.117-131.
20. Караганов С.А. Век войн? Статья вторая. Что делать // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 2. С. 37–52.
21. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9 т. - М.: Мысль, 1987, т. I. - 432 с.
22. Коптелова Н.Г. Образ Петра I в поэзии М.И. Цветаевой // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 112–121.
23. Кюстии А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. Т. I. - М.: Изд. им. Сабашниковых, 1996. – - 528 с.
24. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. 1993. №2. С. 3-9.
25. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой - М.: Новое литературное обозрение, 2002. - 976 с.
26. Межуев Б.В. Политическая критика Вадима Цымбурского. - М.: Европа, 2012.- 199 с.
27. Межуев Б.В. Остров Россия и российская политика идентичности. Неусвоенные уроки Вадима Цымбурского // Россия в глобальной политике. 2017. Т.17. № 6. С. 162-175.
28. Межуев Б.В. «Остров Россия»: время и место одной историософской концепции. Агентство политических новостей. 24.11.2006. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.apn.ru/index.php?newsid=10994> (дата обращения: 27.07.2024).

29. Мизин В.И. Перспективы и дилеммы европейской системы безопасности // *Международная аналитика*. 2016. № 4 (18). С. 7-18.
30. Мизин В.И. Место и потенциальная роль ОБСЕ в меняющейся архитектуре европейской безопасности // *Международная аналитика*. 2019. №1-2. С. 27-40.
31. Мизин В.И., Севостьянов П.И., Матюхин А.В. Позиции России и США по вопросам ядерной безопасности и перспективы новых договоренностей // *Журнал политических исследований*. 2024. Т. 8. №1. С. 103-114.
32. Мизин В.И. Возможные сценарии России для будущей архитектуры безопасности в Европе // *Постсоветские исследования*. 2024. Т. 7. №1. С. 62-78.
33. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. - М.: Прогресс, 1993-1994 гг. Т.1. 1993. - 528 с.
34. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. - М.: Изд. Юрайт, 2024. - 391 с.
35. Ознобищев С.К. Американские (русские) горки европейской безопасности // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. № 3 (107). С. 16-50.
36. Прокуденкова О.В. Россия: Европа или Азия полемика П.Н. Милукова с евразийцами о роли географического фактора в развитии русской культуры // *Вестник РХГА*. 2006. № 7. Вып. 1. С. 68–84.
37. Повестка дня для мира: Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением, принятым 31 января 1992 года на заседании Совета Безопасности на высшем уровне / ООН. Генеральная Ассамблея. Совет Безопасности. – Нью-Йорк. 02.07.1992. - 26 с.
38. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // *Независимая газета*. 1999, 30 декабря.
39. Пухов Р. От «специальной» к «военной». Уроки двух лет операции на Украине // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. №2. С. 21–36.
40. Савенков Р.В. Отражение идей Н.Я. Данилевского в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *Журнал политических исследований*. 2023. Т. 7. №1. С.104-114
41. Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах Кн. IX. История России с древнейших времен. Т.18. Гл. 3. Окончание царствования Петра Великого. - М. Мысль, 1991. - 528 с.
42. Суслов Д.В. «Россия vs Европа: противостояние или союз?». - М.: Русь-Олимп, 2009. – 382 с.
43. Тютчев Ф.И. Россия и Запад. - М.: Культурная революция, 2007. - 574 с.
44. Федорченко С.Н. Реконцептуализация наследия В.Л. Цымбурского: политическая легитимация в условиях цифровизации международных отношений // *Журнал политических исследований*. 2021. Т. 5. № 2. С. 66-86.
45. Чаадаев П.Я. Сочинения. Философические письма. Письмо первое. Изд. «Правда», 1989. - 656 с.
46. Чубарьян А.О. Европейская идея и Россия. - М.: ОЛМА, Просвещение. 2021. - 431 с.
47. Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. - М.: РОССПЭН, 2007. - 544 с.
48. Цымбурский В.Л. Циклы «похищения Европы». Большое примечание к статье «Остров Россия» // *Русский архипелаг*. Сетевой проект «Русского мира». [Электронный ресурс]. URL. https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment/ (дата обращения: 29.07.2024).
49. Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское. Антология русской философии. - М.: Изд-во «Сенсор», 2000. - 388 с.
50. Bollfrass A., Budjeryn M. Arms Control: For and By Europe // *Policy Perspectives*. Center for Security Studies (CSS) at ETH Zurich. 2020. V. 8/10. September. P. 1-4.
51. Baranovsky V.G. Russia and Europe: The Emerging Security Agenda. Ed. by Vladimir Baranovsky. Introduction in: *Russia and Europe: The Emerging Security Agenda*. Ed. by Vladimir Baranovsky. Oxford: Oxford University Press, 1997.

52. Churchill W. The Sinews of Peace (IRON CURTAIN SPEECH), Westminster College, Fulton, Missouri. March 5, 1946.
53. Grunwald Constantin de, Alexandre Ier, Le Tsar mystique, Paris, Amit-Dumont, 1955. – 341 p.
54. Gottemoeller R. Rethinking Nuclear Arms Control // The Washington Quarterly. 2020. № 43 (3). P. 139–159. doi.org/10.1080/0163660X.2020.1813382.
55. Haass R. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order, Penguin Press, 2017. - 352 p.
56. Kissinger H.A. A world restored: Metternich, Castlereagh and the problems of peace, 1812–22. Boston: Houghton Mifflin, 1957. P. 152–153; Fukuyaman, Francis. “A World Restored: Europe After Napoleon.” Foreign Affairs. September/October 1997. <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/1997-09-01/world-restored-europe-after-napoleon> (дата обращения: 24.05.2024).
57. Kühn U. The rise and fall of cooperative arms control in Europe. – Hamburg. Nomos, 2020. – 414 p.
58. Raffensperger Ch., Reimagining Europe. Kievan Rus’ in the Medieval World, 988-1146. London. Harvard University Press, 2012. - 329 p.
59. M.-P. Rey. Le Dilemme russe. La Russie et l’Europe occidentale d’Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris. Flammarion. 2002. - 354 p.
60. Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment». Wshington D.C. Harvard University Press, 1997. – 42 p.
61. Pifer, S. Reviving nuclear arms control under Biden // American Ambassadors Review. 2020. November 25.
62. Statement by the Euro-Atlantic Security Leadership Group (EASLG): Shrinking the Zone of Confrontation and Competition: Principles for Euro-Atlantic Security and the Global Peace. Group statement. 16 February 2024.
63. Wallwestein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1974. - 410 p.

References

1. *Arkhitektura evropeiskoi bezopasnosti* [The Archuecture of European security], I. Yu Yurgens, A.A. Dynkin, V.G. Baranovaky. Editors M. EcoInform Publ, 2009, 124 p. (In Russian).
2. Arbatov A.G. Grezy i real'nosti kontrolya nad vooruzheniyami [Dreams and realities of arms control]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2019, V. 63, I. 11, pp. 5-16. (In Russian).
3. Arbatov A.G. Ukrainskiy krizis i strategicheskaya stabilnost [The Ukrainian crisis and strategic stability]. *Polis. Political Studies*. 2022, I. 4, pp. 10-31. (In Russian).
4. Arbatova N.K. *Rossiya I Evropeyskiy Soyuz: v poiskakh obshey strategii* Report In: *Rossiya v obyedinennoi Evrope* [Russia and European Union: In Quest for Common Strategy] in [Russia in United Europe]. Moscow: Publishing House “Russia in United Europe”. (In Russian).
5. Arbatova N.K. Obscheye prostranstvo mezhdru Rossieyi I Evropoi: Utopiya ili realnost? [Common Political Space between Russia and EC: Utopia or Reality?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2006, I. 12, pp. 3-12. (In Russian).
6. Baranovsky V.G. Transformatsiya globalnogo miroporydka: dinamika sistemnykh izmenenii [Transformation of Global World Order: Dynamics of Systemic Changes] *Polis. Political Studies*. 2017, I. 3, pp. 71-91. (In Russian).
7. Busygina I. Osnovy Bolshoy Evropy. [The foundations of Big Europe]. M. RSMD. Spetzkiniga Publ, 2014, 350 p. (In Russian).

8. Hegel W.F. Lektziyi po Filosofiye Istorii [Lectures on the Philosophy of History] - Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Introduction. Saint Petersburg. Nauka Publ, 1991, 480 p. (In Russian).
9. Gerberstein S. Zapiski o Moskovii [Notes on Moskoviiya] in 2 v. V. 1, M.: Pamyatniki istoricheskoy Mysli Publ, 2008, 776 p. (In Russian).
10. Gromyko A.A. "Luchshe desyat let peregovorov, chem odin den voyny [Ten years of negotiations are better than one day of war]. Vospominaniya ob Andree Andreeviche Gromyko. [Memoirs about Andrey Andreyevich Gromyko]. / Collected by Gromyko A.A.. M." Vesny Mir' Publ, 2009. (In Russian).
11. Gromyko A.A. Rossiya mezhdru Evropoi i Aziiyei [Russia inbetween Europe and Asia]. Mezhdunarodnaya Zhisn [International Affairs]. 2012, I. 10, pp. 84-89. (In Russian).
12. Gromyko A.A., Rossiya, SShA, Malaya Evropa: Konkurenttziya za liderstvo v mire polizentrichnosti [Russia, the USA, little Europe: Competition for Leadership in Polycentric world]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2015, I. 4, 5-14, pp. (In Russian).
13. Gromyko A.A. Evropa v vglobalnoy persborke [Europe in global Reshuffle] Ed by Gromyko A.A. M.: "Vesny Mir". Institut Evropy Publ. 2023, 503 p. (In Russian).
14. Gutnikova A.P. M.N Katkov v russkoi publitzistike vtoroy poloviny XIX veka [M.N. Katkov in the Russian Publicism of the second half of the XIX century]. Vestnik RGGU. Seriya Literaturovedeniye.Yazykoznaniiye.Kulturologiya. [Bulletin of the Russian State Humanities University. Serie Literary Studies. Philology. Culturology]. 2019, I. 9, pp. 30-34. (In Russian).
15. Danilevskii N.Ia. Gore pobediteliyam! Russkaya Rech.Janvar-Fevral [Woe to the winners-vae victis].1879. M.: ALIR, GUP" Oblizdat" Publ, 1998, 414 p. (In Russian).
16. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa.Vzglyad na kulturniye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu.[Russia and Europe.Review of the cultural and political relationship of the Slavic world toward the German-Roman-one]. M. Istitut russkoi tzivilizatsii Publ, 816 p. (In Russian).
17. Dashkova E. R. Zapiski Knyagini. Vospominaniya. Memuary [The Princess' Papers. Reminiscences. Memoirs.]. Minsk, Kharvest Publishing House Publ, 2003, 256 p.
18. Zhukov L.N. Evraziistvo: Emigratsiya v poiskakh drugogo puti [Eurasinism: Emigration in the Quest of Alternative Path]. Evraziistvo v kontekste sovremennosti. sbornik statei. SpB. Skif. Publ, 1995, 41p. (In Russian).
19. Kantor V.K. Ponimat Rossiyu umom (k problemme samosoznaniya russkoi mysli) [To understand Russia consciously. Toward the self-consciousness of the Russian thought.] Vestnik khristianskoy gumanitnoy akademii. [Bulletin of Christian Humanities Academy]. 2011, V. 12, I. 3, pp. 117-131. (In Russian).
20. Karaganov S.A. Vek Voin? Staya voraya. Chto delat? [The Century of wars. The second article. What's to be done?]. Rossiya v globalnoi politike [Russia in Global politics]. 2024, V. 22, I. 2, pp. 37–52. (In Russian).
21. Klyuchevsky V.O. Kurs russkoi istorii [The Course of the Russian History] Sochineniya v. 9 t. [Works in 9 volumes]. M. Mysl Publ. 1987, V. I, 432 p. (In Russian).
22. Koptelovas N.G. Obraz Petra I v poezii M.I. Tzvetaeyevoy [The Image of Peter I in the poesy of M.I. Tzvetaeva]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Kostroma State University]. 2021, V. 27, I. 3, pp. 112–121.
23. Custine Astolf de. Nikolaevskaya Rossiya. [Russia of Nicholas I]. La Russie en 1839. M. Politizdat Publ. 1990, 352 p. (In Russian).
24. Likhachev D.S. O russkoi intelligentsii: pismo v redaktziyu [On the Russian Intelligentsia: Letter to the Editors]. Novy Mir. 1993, I. 2, pp. 3-9. (In Russian).
25. Madariaga I. de. Rossiya v Epokhu Ekateriny Velikoi [Russia in the Epoch of Catherine the Great]. M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ. 2002, 976 p. (In Russian).
26. Mezhuiev B.V. Politicheskaya kritika Vadima Tzymburskogo [The Political Critics of Vadim Tzymbursky]. M.: Evropa Publ, 2012, 199 p. (In Russian).

27. Mezhuev B.V. Ostrov Rossiya I rossiskay politika identichnosti. Neusvoennyye uroki Vadima Tzymburskogo [The Island “Russia” and the Russian Politics of Identification. The Disregarded Lessons of Vadim Tzymbursky]. Rossiya v globalnoi politike [Russia in global politics]. 2017, V. 17, I. 6, pp. 162-175. (In Russian).
28. Mezhuev B.V. «Ostrov Rossiya»: vremya I mesto odnoy istoriosophskoy kontseptzii [Island Russia: time and place of a historiosophic Concept] Agenstvo politicheskikh novostey. 24.11.2006. Available at: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=10994>. (Accessed: 27.07.2024). (In Russian).
29. Mizin V.I. Perspektivy i dilemmy evropeikoi sistemy bezopasnosti. [Prospects and Dilemmas of the System of European Security]. Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics]. 2016, I. 4 (18), pp. 7-18. (In Russian).
30. Mizin V.I. Mesto i potentsialnaya rol OBSE v menyayusheisya arkhitekture evropeiskoi bezopasnosti [The Place and Potential Role of the OSCE in the Changing Architecture of European Security]. Mezhdunarodnaya Analitika. [Journal of International Analytics]. 2019, I. 1-2, pp. 27-40. (In Russian).
31. Mizin V.I., Sevostyanov P.I., Matyukhin A.V. Pozitcii Rossiyi i SShA po voprosam yadernoi bezopasnostii i perspektivy novykh dogovorennostei. [The positions of Russia and the United States on nuclear security issues and the prospects for any new agreements.]. Zhurnal politicheskikh issledovaniy [The Magazine of Political Studies]. 2014, V. 8, I. 1, pp. 103-114. (In Russian).
32. Mizin V.I. Vozmozhnyie stzenarii Rossiya dlya budushei arkhitektury bezopasnosti v Evrope [Russia's possible scenarios for a future security architecture in Europe]. Postsovetskiye Issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2024, V. I, 1, pp. 62-78. (In Russian).
33. Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoi kultura [Essays on the History of the Russian Culture] in 3 v. M.: Progress Publ, 1993-1994, V. 1, 1993, 528 p. (In Russian).
34. Olearius A. Opisaniye puteshestviya v Moskoviyu [The Notes on the Travel to Moskovia]. M.: Yurait Publ, 2024, 391 p. (In Russian).
35. Oznobishchev S.K. Amerikanskie (russkie) gorki evropeyskoy bezopasnosti [American (Russian) Roller Coasters of the European security]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020, I. 3 (107), pp. 16-50. (In Russian).
36. Prokudenkova O. V. Rossiya: Evropa ili Aziya. Polemika P.N Milyukova s evraziitkami o roli geograficheskogo faktora v razvitiy russkoi kultury [Russia: Europe or Asia. P.N. Milyukov's Polemics with Eurasinists on the role of the Russian culture]. Vestnik RKhgA. 2006, I. I (1), pp. 68–84. (In Russian).
37. Povestka dnya dlya mira: Preventivnaya diplomatiya, mirotvorchestvo b podderzhanie mira. Doklad generalnogo sekretarya OON v sootvetstvii s zayavleniem prinyatom 31 yanvarya 1992 goda na zasedanii Soveta Bezopasnosti na vysshem urovne OON. [An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-keeping. International Relations], 02.07.1992, 26 p.
38. Putin V.V. Rossiya na rubezhe tysyacheletii [Russia on the Edge of Thousand years]. Nezavisimaya Gazeta Publ, 1999, 30 December. (In Russian).
39. Pukhov P. Ot “spetsialnoi” k “voennoi”. Uroki dvykh let operatsii na Ukraine [From the “Special” to the “Military”. Lessons of Two Years of the Operation in Ukraine.]. Rossiya v Globalnoy politike [Russia in global politics]. 2024, V. 22, I. 2, pp 21–36. (In Russian).
40. Savenkov R.V. Otrazheniye idei N.Ya. Danilevskogo v “Strategii natsionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii” [The Reflection of N.Ya. Danilevsky's Ideas in the National Security Strategy of the Russian Federation]. Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Magazine of Political Studies]. 2023, V. 7, I. 1, pp. 104-114 (In Russian)/
41. Solovyev S.M. Sochineniya v 18 Knigakh [Works in 18 Books]. Book IX. Istoriya Rossiyi s drevneyshikh vremen [The History of Russia since Ancient Times], V.18. Ch.3. The End of Peter the Great's Reign]. Moscow. Mysl publishing House Publ, 1991, 528 p.

42. Suslov V.D. Rossiya vs. Europa: protivostoyaniye ili souyz? [Russia vs. Europe: Confrontation or Alliance?]. M.: Rus-Olimp Publ, 2009, 382p. (In Russian).
43. Tyutchev F.I. Russia and the West. [Russia and the West]. M.: Cultural Revolution Publ, 2007, 574 p.
44. Fedorchenko S.N. Reconceptualizatsiya teoreticheskogo naslediya V.L. Tzymburskogo: politicheskaya legitimatsiya v usloviyakh tzifrovizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii [Reconceptualization of the theoretical legacy of V.L. Tsymbursky: political legitimating in the context of digitalization of international relations]. Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Magazine of Political Studies]. 2021, V. 5, I. 2, pp. 66-86. (In Russian).
45. Chaadayev P.Ya. Sochineniya. Filosoficheskir Pisma.Pismo pervoye [Works. Philosophical Letters.Letter]. Izdatelstvo "Pravda Publ, 1989, 656 p. (In Russian).
46. Chubar'jan A.O. Rossijskij evropeizm: istoriya, jevoljucija i budushhee. [Russian Europeanism: History, Evolution, Future.]. M.: OLMA-Press Publ, 2021, 431 p. (In Russian).
47. Tzymbursky V.L. Ostrov Rossiya.Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty. [Island "Russia". Geopolitical and Chronopolitical Works]. 1993–2006. M.: Rosspen Publ, 2007, 544 p. (In Russian).
48. Tzymbursky V.L. Tzikly "pokhisheniya Evropy". Bolshoye primechaniye k statye "Ostrov Rossiya". [The Cycles of Abduction of Europe. The Large Afterword to the article "Island Europe"]. Russky Archipelag. Online Project Russky Archipelag. Available at: https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment/. (Accessed: 29.07.2024).
49. Schedrovitzky P.G. Russky Mir I transnatsionalnoye russkoye. [Russian World and transnational Russianness.] Antologiya russkoi filosofii [The Anthology of the Russian Philosophy]. M.: «Sensor» Publ., 2000, pp. 374-388. (In Russian).
50. Bollfrass A., Budjeryn M. Arms Control: For and By Europe. Policy Perspectives.Center for Security Studies (CSS) at ETH Zurich. 2020, V. 8 (10), September. pp. 1-4.
51. Baranovsky V.G., Russia and Europe: The Emerging Security Agenda. Ed. by Vladimir Baranovsky. Introduction in: Russia and Europe: The Emerging Security Agenda. Ed. by Vladimir Baranovsky. Oxford: Oxford University Press Publ., 1997.
52. Churchill Fulton Speech. THE SINEWS OF PEACE ('IRON CURTAIN SPEECH'), Westminster College, Fulton, Missouri Publ., March 5, 1946.
53. Gottemoeller R. Rethinking Nuclear Arms Control. The Washington Quarterly. 2020, I. 43(3), pp.139–159. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1813382>.
54. Haass Richard, A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order, Penguin Press Publ., 2017, 352 p.
55. Kissinger H.A. A world restored: Metternich, Castlereagh and the problems of peace, 1812–22. Boston: Houghton Mifflin Publ., 1957, pp. 152–153; Fukuyaman F. A World Restored: Europe After Napoleon. Foreign Affairs. September/October 1997. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/1997-09-01/world-restored-europe-after-napoleon>. (Accessed: 24.05.2024).
56. Grunwald Constantin de, Alexandreler, Le Tsar mystique, Paris, Amit-Dumont Publ., 1955, 341 p.
57. Kühn U. The rise and fall of cooperative arms control in Europe. – Hamburg. Nomos Publ., 2020, 414 p.
58. Raffensperger Ch., Reimagining Europe. Kievan Rus' in the Medieval World, 988-1146. London. Harvard University Press Publ., 2012, 329 p.
59. M.-P. Rey. Le Dilemme russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris. Flammarion Publ., 2002. 354 p.
60. Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment». Wshington D.C. Harvard University Press Publ., 1997, 42 p.
61. Pifer S. Reviving nuclear arms control under Biden. American Ambassadors Review Publ., 2020. November 25.

62. Statement by the Euro-Atlantic Security Leadership Group (EASLG): Shrinking the Zone of Confrontation and Competition: Principles for Euro-Atlantic Security and the Global Peace. Group statement Publ. 16 February 2024.
63. Wallstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press Publ., 1974, 410 p.